

DOI: [10.14515/monitoring.2023.4.2372](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2372)

В. Б. Звоновский, А. В. Ходыкин

ВОСПРИЯТИЕ РОССИЙСКИМ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ПОСЛЕ НАЧАЛА РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

Правильная ссылка на статью:

Звоновский В. Б., Ходыкин А. В. Восприятие российским общественным мнением экономических изменений после начала российско-украинского конфликта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 3—29. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2372>.

For citation:

Zvonovsky V. B., Khodykin A. V. (2023) Perception of Economic Changes during the Special Military Operation in Russian Public Opinion. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 3–29. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2372>. (In Russ.)

Получено: 10.01.2023. Принято к публикации: 09.06.2023.

ВОСПРИЯТИЕ РОССИЙСКИМ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ПОСЛЕ НАЧАЛА РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

ЗВОНОВСКИЙ Владимир Борисович — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и психологии, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия
E-MAIL: zvb@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0002-8805-9028>

ХОДЫКИН Александр Владимирович — кандидат социологических наук, социолог-аналитик, Фонд социальных исследований, Самара, Россия
E-MAIL: a.khodykin@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0003-0230-5775>

Аннотация. Для прогнозирования экономических и политических изменений и измерения качества жизни людей важны не только объективные оценки экономической ситуации в стране, но и анализ ее восприятия в массовом сознании, так как именно субъективные оценки влияют на деловые и повседневные практики. Для реализации этой цели авторы провели исследование, состоящее из трех частей: 1) первый этап телефонного опроса, репрезентирующего население России старше 18 лет (конец февраля 2022 г.); 2) четыре фокус-группы по шесть участников в Самарской области; 3) второй этап телефонного опроса, репрезентирующего население России старше 18 лет (проведен в первой половине августа 2022 г.).

Исследование показало, что в отношении собственного материального положения ожидания ухудшений преобладают над прогнозами улучшения.

PERCEPTION OF ECONOMIC CHANGES DURING THE SPECIAL MILITARY OPERATION IN RUSSIAN PUBLIC OPINION

Vladimir B. ZVONOVSKY¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor of the Department of Sociology and Psychology
E-MAIL: zvb@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0002-8805-9028>

Alexander V. KHODYKIN² — Cand. Sci. (Soc.), Sociologist-analyst
E-MAIL: a.khodykin@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0003-0230-5775>

¹ Samara State University of Economics, Samara, Russia

² Social Research Institute, Samara, Russia

Abstract. To predict economic and political changes and measure changes in the life quality, it is important not only to objectively assess the economic situation in the country, but also to analyze its perception in the mass consciousness, since it is subjective assessments that affect business and everyday practices. To achieve this goal, the authors conducted a study consisting of three empirical parts: 1) the first stage of a telephone survey representing the population of Russia over 18 years old (end of February 2022); 2) four focus groups each consisting of six participants in the Samara region; 3) the second stage of a telephone survey representing the population of Russia over 18 years old (conducted in the first half of August 2022).

The study showed that respondents more often expect their own financial situation to worsen than to improve. Russians look to the future with anxiety, but their level of pessimism varies. Their own finan-

В будущее россияне смотрят с тревогой, но уровень их пессимизма различен. Перспективы собственного материального положения кажутся им хотя и не слишком радостными, но все же более благополучными, чем финансовые перспективы большинства соотечественников. С точки зрения динамики наблюдается снижение масштаба негативных прогнозов с массовых ожиданий экономических проблем до умеренно стабильного преобладания пессимизма над оптимизмом. Оценки произошедших и будущих изменений дифференцируются политической позицией и способом потребления информации: сторонники спецоперации реже отмечают ухудшение собственного материального положения, ее противники и пользователи VPN пессимистичнее оценивают произошедшие и прогнозируемые экономические изменения (как собственные, так и в стране в целом).

Ключевые слова: восприятие кризиса, индивидуальный оптимизм, социальный оптимизм, индексы, российское общественное мнение, специальная военная операция, теорема Томаса

cial prospects seem to them, although not very optimistic, but still more prosperous than the financial prospects of most compatriots. A comparison of the two survey waves shows a decrease in the prevalence of negative forecasts from mass expectations of economic problems to a moderately stable prevalence of pessimism over optimism. Estimates of past and future changes are differentiated by the political position and the way information is consumed: supporters of the special military operation are less likely to note the deterioration of their own financial situation, while its opponents and VPN users are more pessimistic about the past and projected economic changes (both their own and in the country as a whole).

Keywords: perception of the crisis, individual optimism, social optimism, indices, Russian public opinion, special military operation, Thomas theorem

Введение

Несмотря на то что в период военных конфликтов экзистенциальные угрозы в значительной степени вытесняют экономические, человек и общество в целом продолжают функционировать в новых социально-экономических условиях, а восприятие их актуального состояния остается важнейшим элементом адаптации к меняющейся реальности. Быстро трансформирующаяся экономика может менять соотношение лидирующих и депривированных групп населения.

Большое значение как для прогнозирования экономических и политических изменений, так и для измерения качества жизни людей имеют исследования не только объективной ситуации в стране, но и ее восприятия в массовом сознании. Субъективные оценки влияют на повседневные решения людей, а те, в свою очередь, способны воздействовать на экономику. Недаром еще в середине прошлого века Роберт Мертон продемонстрировал с помощью теоремы Томаса способность субъективного видения ситуации определять ее развитие. Приводимая

Мертон формулировка этой теоремы взята из работы «Ребенок в Америке» Уильяма и Дороти Томас, по фамилии которых она и получила свое название [Thomas, Thomas, 1928]. Мертон привел ставшую наиболее известной в мировой социологии формулировку теоремы Томаса: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях» [Мертон, 2006: 605], — и продемонстрировал ее объяснительный потенциал на примере социологической притчи о крахе Нового национального банка, который разорился в 1932 г. не по объективным финансовым причинам, а только из-за того, что вкладчики сочли их банк потерпевшим крах, приведя его тем самым к реальному банкротству. Еще один пример — это расовые меньшинства, которые становились штрейхрейкерами только потому, что их воспринимали в качестве таковых члены профсоюзов и не принимали в свои организации, вынуждая на самом деле становиться штрейхрейкерами. «Притча учит нас, что публичные определения ситуации (прогнозы и предсказания) становятся неотъемлемой частью ситуации и, таким образом, влияют на последующее развитие ситуации. Такова специфическая характеристика человеческих дел. Мы не найдем ее в мире природы, к которому не прикасались человеческие руки. Предсказания о возвращении кометы Галлея никак не влияют на ее орбиту. Но слухи о неплатежеспособности банка Миллингвила на самом деле вызвали реальный результат. Предсказание краха привело к его осуществлению» [Мертон, 2006: 607].

Восприятие людьми собственного финансового положения, положения дел в стране и перспектив их изменения в будущем также способно трансформировать практики финансового поведения людей, формирующие реальную экономическую ситуацию. В России мы это видели на примере массовых закупок товаров в начале пандемии COVID-19 и спецоперации, вызвавших товарный дефицит и дальнейшую панику. Поэтому исследование восприятия экономических изменений приобретает особую актуальность в период реального кризиса.

В данной статье мы проанализируем тренды оценок собственного материального положения россиян, оценок материального положения большинства их соотечественников в период спецоперации и оценок будущего. Для этого мы сравним результаты наших опросов в феврале 2022 г. (в самом начале СВО) и в августе 2022 г., когда острота начального этапа экономического кризиса прошла. Качественные характеристики восприятия экономических трансформаций раскрыты на базе анализа четырех фокус-групп, проведенных Фондом социальных исследований среди жителей Самарской области в апреле 2022 г. — между двумя этапами количественных замеров.

Литературный обзор

Восприятие экономической ситуации и его влияние на социальное самочувствие и поведение людей подробно исследовано в российских и зарубежных работах [Мертон, 2006; Гоффе, Монусова, 2020; Усова, 2017]. Важность не только объективных экономических показателей, но и субъективных оценок материального благополучия и экономической ситуации в целом осмыслена экономистами во второй половине XX века. Такое смещение исследовательского взгляда Ричард Истерлин объясняет «революцией счастья» (хронологически третьей после

промышленной и демографической революций), поставившей в центр общественного внимания ощущение личного благополучия, которого не всегда получается достичь с помощью экономического роста: иногда объективно растущие финансовые показатели не ощущаются людьми как улучшение их жизни [Easterlin, 1974; 2019]. Причинами того могут быть, к примеру, распространенность в обществе искаженных представлений о действительности, неуверенность людей в своем будущем или высокое социальное неравенство [Мертон, 2006; Diener, 1984; Diener et al., 1984; Wilkinson, Pickett, 2009]. Поэтому важность социологических исследований уровня счастья постепенно увеличивается на фоне снижения влияния классических оценок ВВП по паритету покупательной способности на душу населения [Easterlin, 2019]. Группа экономистов под руководством Джозефа Стиглица и Амартии Сена опубликовала доклад, в котором говорится о необходимости социальных исследований восприятия людьми их благополучия для более полного и объективного измерения уровня социального прогресса [Stiglitz, 2008]. Подробный обзор исследований восприятия личного благополучия в контексте экономических оценок социального прогресса представил Эндрю Кларк, агрегировавший исследования благополучия, проведенные различными способами (Метод Кантрила, индекс благосостояния Gallup-Healthways (GHWBI) и др.) и показавшие значимое, но не определяющее влияние объективной экономической ситуации на социальное самочувствие людей [Clark, 2018]. Ричард Уилкинсон и Кейт Пикетт выявили деструктивное влияние избыточного социального неравенства на субъективное восприятие объективных экономических изменений и распространение социальных проблем [Wilkinson, Pickett, 2009].

Среди русскоязычных авторов, пожалуй, наибольший вклад в социологическое изучение восприятия людьми экономической ситуации внесли Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко. В своей монографии, написанной в период российской модернизации и перехода к рынку 1990-х, они подробно исследовали феномен социального настроения, обосновали его доминирующее влияние на социальное поведение людей и, как следствие, трансформацию обществ, в которых они живут [Тощенко, Харченко, 1996]. Обобщая полученные авторами монографии данные, Е. Н. Усова создает свой концепт социального настроения, который включает в себя: «1) социальное самочувствие; 2) оценку и самооценку социального статуса и положения; 3) социальные ожидания; 4) социальную позицию» [Усова, 2017: 555].

В случае деструктивного характера социальных настроений общественные изменения с высокой долей вероятности будут негативными или недостаточно позитивными даже в случае экономического роста и улучшения других объективных показателей. Это подтверждается исследованиями под руководством С. М. Гуриева*¹, результаты которых на примере ряда стран показали снижение доверия к демократическим преобразованиям в случае субъективного ощущения значимой частью общества социального поражения от реформ [Transition..., 2016—2017]. Анализ механизмов формирования расхождений в объективных и субъективных оценках экономической ситуации и личного благополучия проведен в монографии Н. В. Гоффе и Г. А. Мунусовой, которые на материалах исследований восприятия

¹ Здесь и далее: * внесен в реестр иностранных агентов.

благополучия и социальных проблем жителями разных стран проанализировали, как люди воспринимают окружающие их социально-экономические явления и как это влияет на общественное мнение относительно ситуации в их странах [Гоффе, Монусова, 2020]. Анализ влияния социального самочувствия на политическое поведение российской молодежи проведен Д. В. Трыновым, показавшим, что это влияние основано на взаимосвязи ожиданий и идеалов молодых людей [Трынов, 2022].

Корпус имеющихся научных работ по теме позволяет утверждать, что восприятие людьми экономических изменений влияет на их социальное самочувствие и поведение, поэтому исследование восприятия россиянами экономических последствий нынешнего кризиса приобретает особую значимость для прогнозирования изменений общественного мнения.

Эмпирическая основа исследования и методы анализа

Дизайн нашего исследования предполагает сочетание количественных и качественных методов исследования, а именно: массовых опросов населения и фокус-групп. Это позволяет дополнять репрезентативные для взрослого населения России данные о восприятии экономических изменений существенными характеристиками этих изменений. Например, в ходе массовых опросов мы узнаем, как изменилось материальное положение россиян в кризисный период, в то время как данные фокус-групп позволяют подробно охарактеризовать специфику восприятия изменений, кроющуюся за выбором варианта «ухудшилось» или «улучшилось» из стандартизированного опросника. Количественная часть исследования состоит из двух этапов опроса (в феврале и августе 2022 г.), что дает возможность проследить динамику восприятия изменений материального положения россиян на старте российско-украинского конфликта и по прошествии полугода с его начала, когда произошла некоторая стабилизация экономической ситуации.

При анализе результатов нами использован ряд индексов, иллюстрирующих восприятие россиянами экономической ситуации и динамики ее изменения.

В качестве интегральной оценки изменений материального положения мы применяем ретроспективный индекс личного благополучия [Кесельман, Мацкевич, 1998], отражающий соотношение позитивных и негативных изменений материального положения россиян. Нами выбрана данная система показателей, поскольку она широко апробирована на российском и зарубежном материале и обладает устоявшейся и понятной моделью интерпретации результатов. Для расчета ретроспективного индекса личного благополучия примем отношение доли улучшивших его за последний год к доле ухудшивших его. Если значение показателя равно 1, это говорит о равенстве долей позитивных и негативных оценок изменений. Значение индекса меньше 1 показывает преобладание негативных оценок над позитивными, а значение больше 1 говорит, что доля улучшивших свое материальное положение больше доли ухудшивших его.

Поведение людей определяется не только уже произошедшими, но и ожидаемыми изменениями в их жизни. Ожидание улучшений материального положения побуждает к долгосрочным инвестициям в собственное будущее (новые проекты, дом, детей, образование и пр.), что способствует дальнейшим улучшениям жизни.

В то же время страх ухудшений вынуждает экономить, отказываться от ресурсоемких начинаний и сокращать горизонт планирования. Все это ведет к потерям в долгосрочной перспективе.

В социальной психологии оптимизм/пессимизм личности рассматривался главным образом как ее «врожденное» свойство или как результат первых этапов социализации [Cantril, 1965; Freedman, 1978]. Социальные условия интерпретируются психологами как одно из важнейших обстоятельств формирования оптимизма не только на стадии социализации, но и при определении актуального состояния личности [Diener, 1984; Diener et al., 1984]. В рамках психологической традиции оптимизм личности связывался не столько с прогнозированием будущих перспектив, сколько с уровнем удовлетворенности человека актуальным благополучием и его общим позитивным или негативным восприятием жизни [Bradburn, 1969; Bradburn, Caplovitz, 1965; Cantril, 1965; Maslow, 1970].

В отечественной социологии понятия «личностный оптимизм (пессимизм)» и «социальный оптимизм (пессимизм)» стали использоваться несколько позднее, чем в психологии. Статья Л. Кесельмана и М. Мацкевич стала одной из первых, где эти понятия использованы в отечественной социологической литературе [Кесельман, Мацкевич, 1998]. В нашей стране эти индикаторы получили относительно широкое распространение благодаря их регулярному использованию при замерах индекса потребительских настроений в общероссийских опросах 1990-х годов [Зубова и др., 1993; Красильникова, Николаенко, 1994; Зубова, Ковалева, 1995; Ибрагимова и др. 1996], а также в многочисленных исследованиях адаптации [Кесельман, Мацкевич, 1998; Звоновский, Мацкевич, 2009; Кесельман и др., 2007].

Вопросы об изменении материального положения самого респондента и россиян в целом позволяют посмотреть на ситуацию сквозь призму личных ощущений, а также СМИ. Если какая-то социальная группа, например пенсионеры, оценивает свои перспективы хуже, чем перспективы национальной экономики, значит, она полагает, что другие справляются с неблагоприятными обстоятельствами жизни лучше [Звоновский и др., 2021]. Если такая ситуация расходится с реальным экономическим положением рассматриваемой группы, то это можно считать следствием воздействия «консервативных мифов» по Р. Мертону, которые переносят ответственность за уровень жизни людей в стране с общественного на индивидуальный уровень каждого человека: «идет в ход доктрина, отводящая враждебные чувства от социальной структуры и переводящая их на индивида, который стал „неудачником“, потому что „каждый человек в этой стране реально получает то, что ему причитается“» [Мертон, 2006: 277].

Сравнивая распределение ответов на два этих вопроса, можно выяснить, какие группы населения оценивают свои финансовые перспективы выше таких перспектив у россиян в целом, а также увидеть, в какую сторону СМИ смещают «полюс неблагоприятия» и является ли это результатом конструирования тех или иных мифов. Для этого мы вычтем индекс социального оптимизма из индекса индивидуального оптимизма и получим индекс локализации проблем. Его равенство нулю указывает на то, что данная группа считает перспективы своего материального положения примерно такими же, как перспективы большинства россиян. Чем выше значения индекса локализации проблем, тем ближе к полюсу

су благополучия размещает себя социальная группа. И наоборот, чем меньше показатель, тем ближе эта группа считает себя к «полюсу неблагополучия». В таблице 1 отражена вся предложенная конструкция.

Таблица 1. **Формирование индексов на основании вопросов интервью**

Формулировки вопросов	
Как Вы полагаете, в ближайшие 12 месяцев Ваше материальное положение (положение Вашей семьи) улучшится, ухудшится или останется примерно таким же, как сейчас?	А материальное положение большинства жителей России в ближайший год улучшится, ухудшится или останется на прежнем уровне?
Индексы	
Индекс индивидуального оптимизма	Индекс социального оптимизма
Как вычисляется	
Отношение доли оптимистов к доле пессимистов	Отношение доли оптимистов к доле пессимистов
Индекс локализации проблем	
Разность между индексом индивидуального оптимизма и индексом социального оптимизма	

Исследование проведено в три этапа.

1. Телефонный опрос взрослых жителей России, репрезентирующий население страны по полу, возрасту, федеральному округу и уровню образования, $N = 1642$ респондента, период проведения: 27—28 февраля 2022 г.

2. Фокус-группы по шесть участников, подобранных по полу, возрасту и уровню дохода. По полу во всех группах соотношение мужчин и женщин: 50/50. Все участники групп имеют средние доходы и проживают на территории Самарской области. Каждая группа представляет свою возрастную категорию: первая группа — 18—22 года, вторая — 23—35 лет, третья — 36—45 лет, четвертая — 45—60 лет. Место проведения групп: Фонд социальных исследований (Самара). Модератор: доктор социологических наук, профессор В. Б. Звоновский. Время проведения: апрель 2022 г. Расшифровки аудиозаписей фокус-групп обрабатывались вручную, как и подбор цитат для иллюстрации сделанных выводов.

3. Телефонный опрос взрослых жителей России², репрезентирующий население страны по полу, возрасту, федеральному округу и уровню образования, $N = 1600$ респондентов, период проведения: 8—12 августа 2022 г.

Гипотезы исследования

1. Исследования Н. Е. Тихоновой показывают, что восприятие россиянами собственного материального положения в кризисные периоды становится более пессимистичным, однако к кризису, начавшемуся в 2014 г., наши соотечественники подошли со значительно более оптимистичным восприятием собственного мате-

² В обоих телефонных опросах выборка стратифицирована по федеральным округам. Ошибка выборки не превышает 2,31% при уровне значимости 95%. Базы контактов сгенерированы случайным образом на основании диапазонов, выдаваемых Минцифры РФ операторам мобильной связи на 2021 г. Опрос проводился только по мобильным номерам.

риального положения, чем к предшествующим, и сам этот кризис был воспринят россиянами не столь остро [Тихонова, 2015, 2018]. Однако ситуация 2022 г. была значительно более острой, чем ситуация 2014 г.: международная изоляция России значительно усилилась, а запас прочности российской экономики под влиянием почти десятилетия конфронтации с западными странами довольно сильно истощился [Алексашенко и др., 2021]. Поэтому можно предположить, что за время военных действий оценки изменения собственного материального положения и материального положения россиян в целом под влиянием происходящих изменений снизятся.

2. В то же время за период обострения санкционного противостояния российская экономика, вопреки прогнозам многих экономистов, не рухнула, дефолта, массовых увольнений или закрытий предприятий не произошло, повседневная жизнь жителей России изменилась не сильно. Это способствует нормализации восприятия ситуации в массовом сознании и возникновению «эффекта дна», когда все плохое, что могло произойти, уже произошло, поэтому дальше должны быть хоть какие-то улучшения. Это дает основания предполагать, что оценка россиянами перспектив изменения собственного материального положения, как и материального положения соотечественников, в августе 2022 г. стала оптимистичнее по сравнению с февральским замером.

3. Сравнивая себя с другими, люди склонны оценивать свои способности в более позитивном ключе. В психологии это когнитивное искажение называется иллюзорным превосходством, или «эффектом выше среднего», когда испытуемые оценивают собственные достижения или иные ресурсы выше, чем у большинства [Hoorens, 1993]. Умение зарабатывать деньги и справляться с кризисными явлениями тоже можно отнести к таким способностям. Отсюда предположение, что восприятие россиянами перспектив изменения собственного материального положения будет лучше их восприятия перспектив изменения материального положения большинства их соотечественников.

Динамика изменения личного материального положения россиян

В конце февраля 2022 г., в третий и четвертый день боевых действий, россиянам был задан россиянам вопрос об оценке изменений своего материального положения. Традиционно в конце зимы — начале весны жители нашей страны дают наиболее низкие оценки своего материального положения. На этот раз 17 % россиян сообщили, что их материальное положение улучшилось, 31 % констатировали ухудшение, а 53 % утверждали, что существенных изменений не произошло.

В августе 2022 г. примерно треть (35 %) россиян отметили, что за последний год их материальное положение ухудшилось. Более половины (53 %) не зафиксировали значимых отличий, и лишь примерно каждый седьмой-восьмой (13 %) житель страны сообщил об улучшении (см. рис. 1). Другими словами, на одного улучшившего свое положение приходится почти трое тех, у кого оно стало хуже. Таким образом, респонденты, указавшие на наличие изменений, оценивают их преимущественно как негативные. Значимых отличий в оценке изменений собственного материального положения между женщинами и мужчинами нет.

Как видим, оценки собственного материального положения в феврале были лишь немногим выше, чем в августе, то есть за полгода российско-украинского конфликта россияне стали чувствовать себя несколько хуже: в феврале значение ретроспективного индекса равнялось 0,54, тогда как в августе — 0,38. Участники апрельских фокус-групп также отметили ухудшение экономической ситуации в стране и собственного материального положения: информанты констатировали усложнение трудовой деятельности и, как следствие, падение доходов и уровня жизни.

Мы стали в два раза беднее за этот месяц <...>. Жизнь теряет свои краски. (М., 58 лет)

Рынок недвижимости встал, в целом осознание, что жизнь стала страшнее. (М., 48 лет)

На оценку изменений значимое влияние оказывает возраст. Если улучшение личного материального положения отметил каждый пятый молодой россиянин (20%), то среди предпенсионного поколения (45—59 лет) — лишь 8% (см. рис. 2). Особняком стоит старшее поколение, которое по самооценкам ближе к молодежи, чем к условным «предпенсионерам». Между возрастными группами значения индекса заметно различаются: от 0,63 среди молодежи до 0,21 среди «предпенсионеров». Пожилые россияне, которым гарантирован минимальный доход в виде пенсий, чувствуют себя более защищенными и уверенными в своем будущем в условиях экономической автаркии, созданной российским правительством³. То есть если говорить о россиянах трудоспособного возраста, то чем старше человек, тем больше вероятность, что он понес финансовые потери после начала конфликта.

Значимых отличий в ретроспективной оценке материального положения между жителями городов разного типа и размера нет, а вот между горожанами и сельчанами есть. Если более трети горожан (34—38%) отметили ухудшение своего материального положения, то сельчане соглашались с ними лишь в 28% случаев. Вероятно, здесь мы видим частичное подтверждение того, что связанный с российско-украинским конфликтом кризис сильнее повлиял на работников сферы услуг и жителей крупных городов.

Индекс благополучия различается между занятыми в государственном и частном секторах экономики (0,44 и 0,29 соответственно) (см. рис. 2). Изменения, произошедшие на различных рынках, чуть больше повлияли на тех, кто на этих рынках работает. Немного реже ухудшение ситуации чувствовали неработающие пенсионеры (0,50). Они имеют пусть низкий, но стабильный и наименее подверженный ударам кризисов доход. Сходная ситуация подтверждается данными фокус-групп. Сокращения на работе и снижение доходов затронули и респондентов, и их окружение. Первыми на себе удар почувствовали занятые в бизнесе, в то время как сотрудников государственных организаций проблемы затронули в меньшей степени [Звоновский, Ходыкин, 2023].

³ Звоновский В. Б. Автаркия в массовом сознании // Russia Post. 2022. 26 сентября. URL: <https://russiapost.info/obschestvo/autarky> (дата обращения: 10.01.2023).

У меня так же вот среди подруг несколько потеряли работу в сфере одежды. И сейчас вот в Спортмастере под сокращение два человека попадают. (М., 37 лет)

У нас нет [негативных изменений], в водоканале работаю. (Ж, 43 года).

Экономическое положение индивида также влияет на субъективные оценки. Как видно из рисунка 2, среди тех, чей средний доход за последние три месяца был не более 12 000 руб., индекс благополучия составил лишь 0,18. Но у тех, чей доход был выше 60 000 руб., индекс уже 0,69. То есть в нынешних условиях более доходным группам удается лучше сохранить финансовую стабильность, что в который раз подтверждает справедливость описанного Р. Мертоном эффекта Матфея, когда тем, у кого есть ресурсы, получить новые становится значительно проще, чем не имеющим их. Такая тенденция, вероятно, будет увеличивать социально-экономическое неравенство в условиях усиления экономического кризиса. Как предсказал участник фокус-группы, «*Богатые будут богатеть, бедные будут беднеть*» (М., 45 лет).

Оценка изменений собственного материального положения значимо зависит от политической ориентации и разносторонности получаемой респондентом информации о социально значимых событиях. Индекс личного благополучия среди имеющих доступ только к традиционным СМИ, а это прежде всего государственные телеканалы, составил 0,62. А вот среди пользователей VPN, чаще критически настроенных к действующей власти, он составил лишь 0,25. По-видимому, негативное отношение к власти вызывает столь же негативные оценки изменения собственного материального положения. Такой вывод подтверждается и связью рассматриваемого индекса с оценками российско-украинского конфликта, явно демонстрирующими политические взгляды респондентов. Оценка изменений личного материального положения тесно связана с отношением к российско-украинскому конфликту. Как видно из рисунка 2, россияне, поддерживающие его, чувствуют ухудшение своего материального положения куда реже, чем те, кто открыто выступает против него (0,50 и 0,13 соответственно). Можно предположить, что дальнейшее ухудшение материального положения будет ослаблять поддержку военных действий, и наоборот, рост их поддержки может быть следствием улучшения материального положения. С другой стороны, такие данные могут показывать, что противники конфликта более остро воспринимают его негативные последствия, такие как ухудшение собственного материального положения, в то время как сторонники предпочитают не акцентировать внимание на его негативных последствиях [Звоновский, Ходыкин, 2022].

Для сравнения, по данным ФОМ⁴ за май 2022 г., доля респондентов с ухудшившимся материальным положением за два-три месяца конфликта выросла по сравнению с опросом от 13 февраля 2022 г. на 9 п. п., тогда как доля улучшивших материальное положение снизилась на 3 п. п. В то же время исследование А. В. Каравай показывает, что и в сентябре 2020 г. сокращение доходов ощущала все та же треть россиян (35 %) [Каравай, 2021]. Однако в период тех замеров рос-

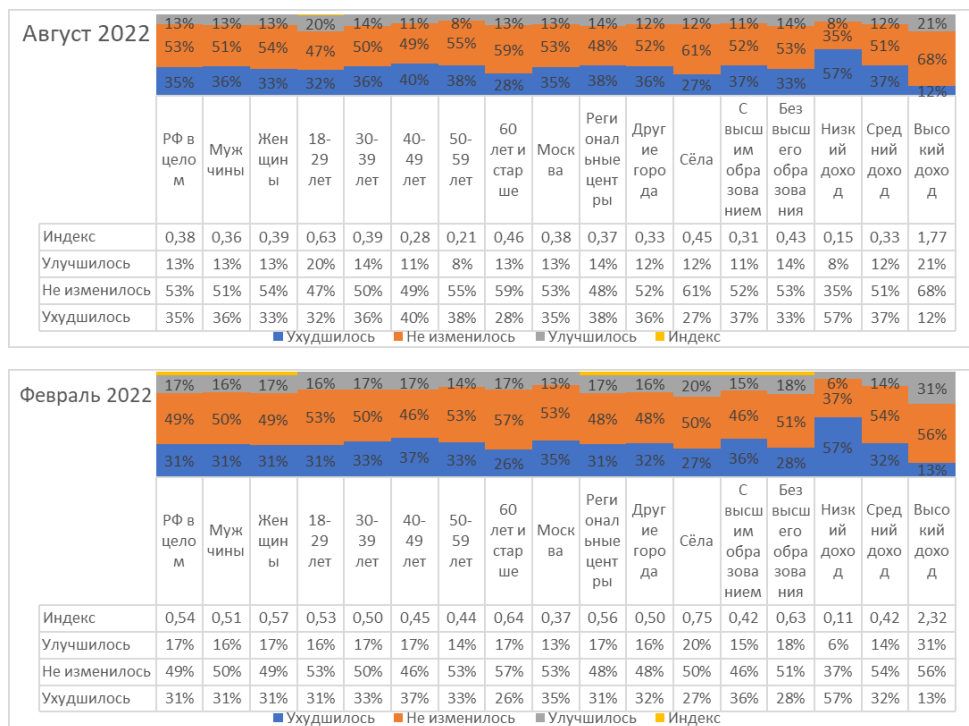
⁴ Материальное положение россиян: оценки и прогнозы // ФОМ. 2023. 13 марта. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14848> (дата обращения: 02.09.2023).

сияне жили в условиях кризиса, связанного с пандемией, который, в свою очередь, начался после постепенной адаптации российской экономики к кризису 2014—2015 гг. Можно предположить, что прошлый кризис в восприятии россиян плавно перетекает в настоящий, о чем свидетельствуют и ответы на фокус-группах:

Наверное, уже все готовы к этим сюрпризам жизненным, третий год подряд все жизненные ситуации не дают покоя, все-таки мы к ним уже привыкшие, потому что, что ни год, то какая-нибудь непонятка в стране. (Ж, 31 год)

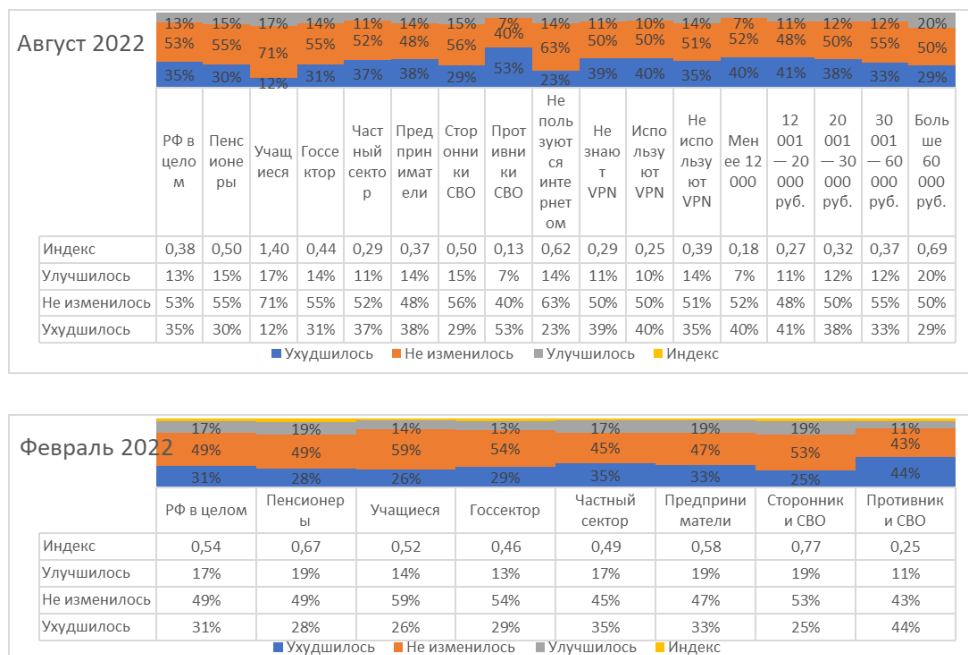
Участники фокус-групп в целом негативно восприняли изменение ситуации: «На питание траты возросли» (М., 29 лет), «Запас лекарств начал исчезать с прилавков, но он жизненно важен» (Ж., 52 года), «Покупательская способность людей просто на нет упала» (М., 58 лет).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете, Ваше материальное положение (положение Вашей семьи) за последний год улучшилось, ухудшилось или практически не изменилось?»⁵

⁵ Уровень дохода в обеих волнах опроса измерялся стандартным вопросом о потребительском статусе. В группу низкого дохода попали те, кому не хватает денег на одежду и обувь. Обладатели средних доходов не могут купить новую машину, а в высокодоходной группе объединены способные купить все, кроме квартиры или дома, и не испытывающие материальных затруднений при любых покупках. В августе, помимо этого вопроса, респондентов спрашивали напрямую об их доходе в рублях, поэтому данные августовского опроса содержат два признака, измеряющих уровень дохода.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете, Ваше материальное положение (положение Вашей семьи) за последний год: улучшилось, ухудшилось или практически не изменилось?»

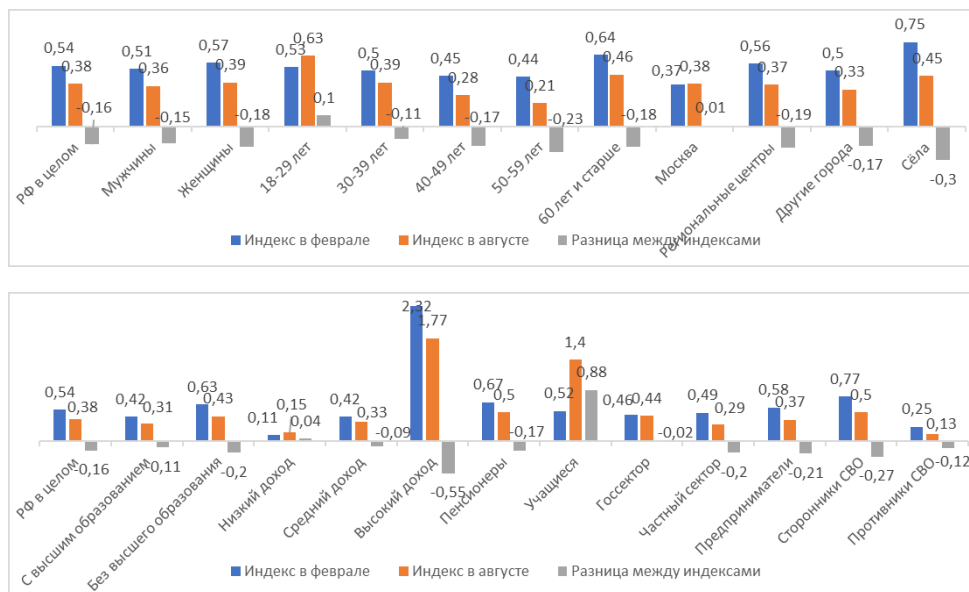

Межгрупповые различия в значениях индекса показывают неравномерность и асинхронность влияния кризиса на разные социальные группы. На мужчин и женщин кризисные явления влияли практически в равной степени (–0,15 и –0,18 соответственно) (см. рис. 3). В то же время экономическое положение людей разного возраста изменялось неравномерно: люди предпенсионного возраста в наибольшей степени чувствовали ухудшение ситуации. Значение индекса среди них снизилось в два раза: с 0,44 в феврале до 0,21 в августе. Среди молодежи, напротив, показатель даже вырос: с 0,53 до 0,63, что можно объяснить более быстрой адаптацией к условиям российско-украинского конфликта.

В начале конфликта различия в оценках между жителями разных типов населенных пунктов были более значительными, чем в августе. В феврале негативнее других изменение своего материального положения оценивали москвичи (0,37), через шесть месяцев их оценка практически не изменилась (0,38), но существенно ухудшилась оценка у сельчан (с 0,75 до 0,45). Как видим, осознание ухудшившегося материального положения постепенно распространяется от жителей столицы до жителей небольших населенных пунктов. За время российско-украинского конфликта также сблизилась оценки россиян, имеющих и не имеющих высшее образование. Если в феврале индекс их благополучия был 0,42 и 0,63 соответственно, то в августе — 0,31 и 0,43 (см. рис. 3). Можно предположить, что произошедшие изменения постепенно захватывают группы населения

от центра к периферии. Среди бюджетников значение индекса за рассматриваемый период не изменилось (0,46 в феврале и 0,44 в августе). В то же время круг пострадавших от кризиса в частном секторе экономики расширился почти в два раза: с 0,49 в феврале до 0,29 в августе. Быстрая деградация внутреннего рынка в начале российско-украинского конфликта сильнее всего повлияла на игроков этого рынка, что отмечено выше в ответах участников фокус-групп.

Рис. 3. Динамика ретроспективного индекса личного благополучия среди населения РФ (февраль и август 2022 г.)

Индекс благополучия в группе с наименьшими доходами за шесть месяцев практически не изменился (0,11 в феврале, 0,15 в августе), а вот среди россиян с высокими доходами существенно снизился с 2,32 в конце зимы до 1,77 в конце лета. То есть восприятие наиболее доходными группами изменений своего материального положения становится заметно пессимистичнее. Это уже отмечали экономисты⁶, указывая, что банковская система РФ, оказавшись в сложной ситуации, фактически конфисковала валютные вклады, которые, очевидно, принадлежали более обеспеченным россиянам⁷.

С начала российско-украинского конфликта до августа 2022 г. ретроспективный индекс личного благополучия значимо уменьшился в группе тех, кто поддерживал участие в этом конфликте: с 0,77 до 0,50. Ухудшение личного материального

⁶ См. интервью Сергея Гуриева Юлии Латыниной от 09.03.2022. URL: https://www.youtube.com/watch?v=-AN5pzg2_Y4 (дата обращения: 02.09.2023) (материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранного агента»).

⁷ В Госдуме назвали условия конфискации сбережений россиян // News.ru. 2022. 21 февраля. URL: <https://news.ru/economics/v-gosdume-prokomentirovali-vozmozhnyu-konfiskaciyu-sberezhenij-rossijan/> (дата обращения: 02.09.2023).

положения в условиях российско-украинского конфликта не меняет отношения к нему россиян. Иначе говоря, прямой связи между ухудшением своего материального положения и началом российско-украинского конфликта в массовом сознании не прослеживается.

Уровень и динамика индивидуального и социального оптимизма в России

В августе 2022 г. примерно каждый седьмой (14 %) россиянин рассчитывал на улучшение своего материального положения, почти четверть (22 %) опасалась его ухудшения и почти две трети (64 %) предполагали, что их положение не изменится (см. рис. 4). По сравнению с нашим опросом периода пандемии (начала 2021 г.) ожидания россиян от своего будущего не изменились: тогда 14 % ожидали улучшения материального положения при 23 % опасавшихся его ухудшения [Звоновский и др., 2021]. Если сравнить с измерениями до всех кризисов последних лет, то в так называемые тучные годы (2011), по данным ВЦИОМ⁸, соотношение индивидуальных оптимистов и пессимистов было 19 % к 21 %. Экономические последствия нынешнего конфликта представляются россиянам подобными пандемийным трудностям: грустно, но преодолимо.

Для анализа ожиданий россиян от изменения собственного материального положения и положения россиян в целом будем использовать индекс индивидуального оптимизма, который рассчитывается как отношение доли оптимистов к доле пессимистов [Кесельман, Мацкевич, 1998]. В среднем по России значение индекса индивидуального оптимизма составило 0,66, то есть прогнозы ухудшения собственного материального положения превалируют над надеждами на его улучшение, несмотря на летний период измерений, когда значения данного индекса обычно наиболее высоки (см. рис. 4).

Оценка ближайшего будущего существенно зависит от возраста: молодежь оптимистичнее оценивает собственные финансовые перспективы, чем представители старшего поколения. Если среди молодежи индекс индивидуального оптимизма составил 1,28, то в группе россиян пенсионного возраста — 0,44 (см. рис. 4). При этом выше отмечено, что уже произошедшие изменения личного благополучия за последний год, напротив, более позитивно оцениваются в старшей возрастной группе, чем среди молодежи. По-видимому, низкие, но стабильные доходы российских пенсионеров в сочетании с их относительно низкими притязаниями позволяют им держаться на плаву в кризисных условиях, но не способствуют оптимистичному взгляду на будущее.

Аналогичное соотношение оценок выявлено среди неработающих пенсионеров: при более позитивной оценке уже произошедших изменений, в будущее они смотрят пессимистичнее других групп (0,49). Иначе говоря, старшее поколение, как бы оно ни оценивало возможные последствия российско-украинского конфликта, думает о будущем с тревогой.

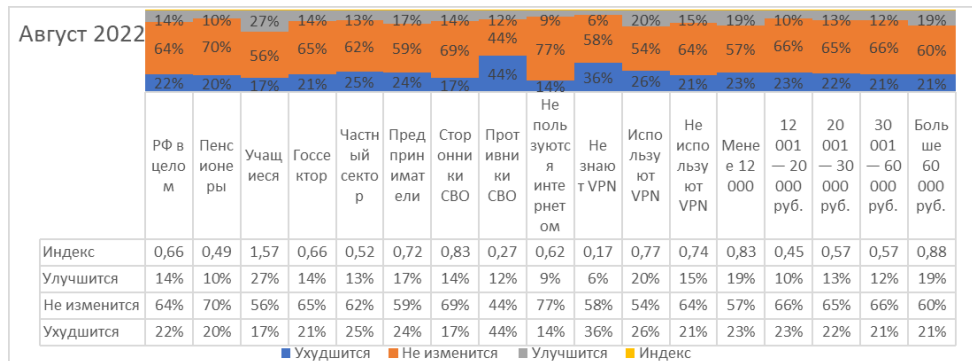
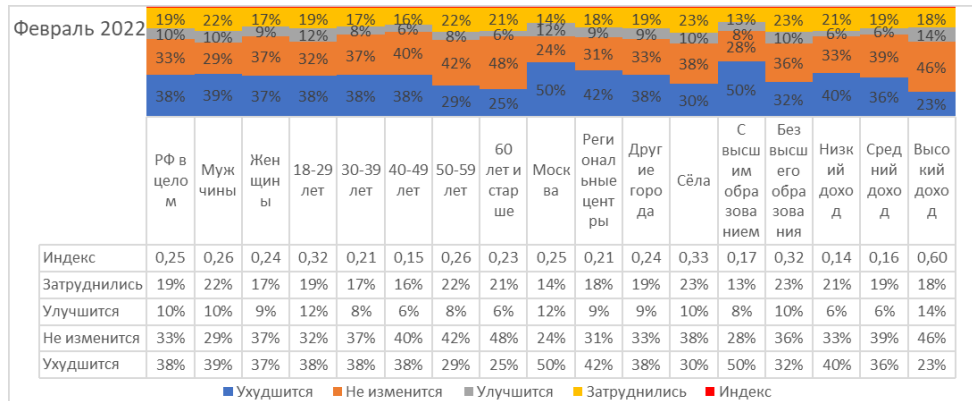
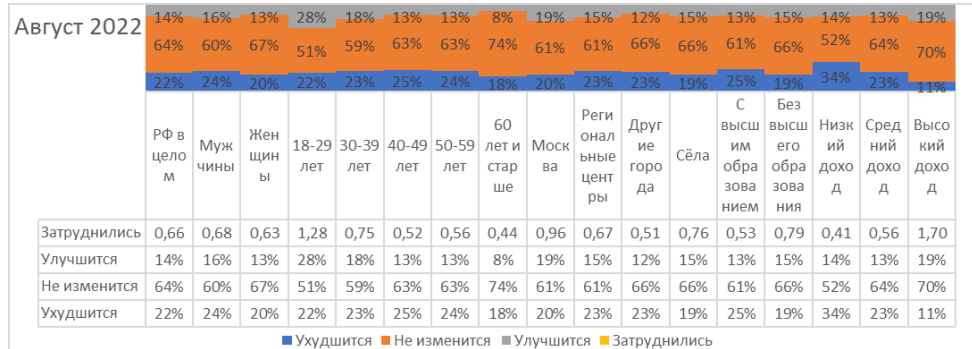
Сужение поля используемых информационных ресурсов способствует снижению индивидуального оптимизма. Среди не имеющих доступа к интернету индекс

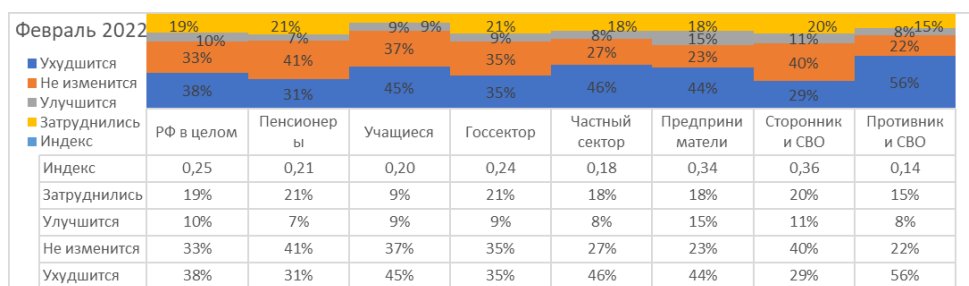
⁸ Материальное положение россиян: перспективы на ближайший год // ВЦИОМ. 2011. 23 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/materialnoe-polozhenie-rossiyan-perspektivy-na-blizhajshij-god> (дата обращения: 02.09.2023).

индивидуального оптимизма ниже, чем у тех, кто использует VPN для получения более широкого доступа к информации.

Рис. 4. Индекс индивидуального оптимизма в разных группах населения РФ.

Вопрос: «Как Вы полагаете, в ближайшие 12 месяцев Ваше материальное положение (положение Вашей семьи) улучшится, ухудшится или останется примерно таким же, как сейчас?»

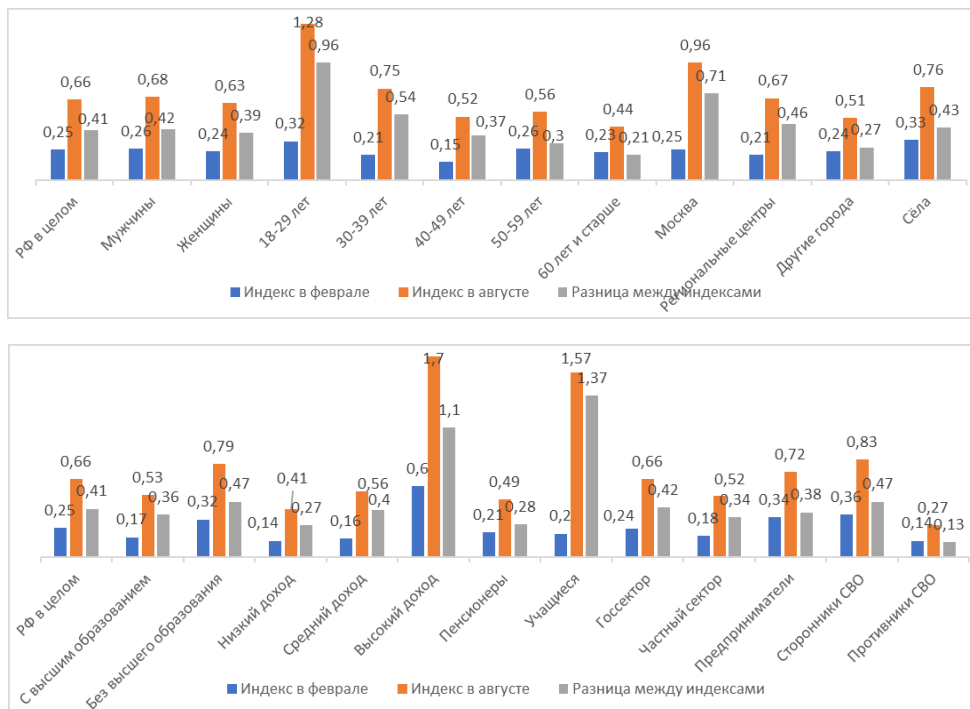
Наиболее пессимистично настроены жители провинциальных городов, где индекс равен 0,51, в то время как в Москве значение индекса — 0,96 (см. рис. 5). Такая дифференциация отличается от дифференциации ретроспективных оценок, когда столичные жители испытывали наиболее существенное снижение уровня своего материального положения. Россиянам с высшим образованием будущее представляется менее благоприятным, чем не имеющим его (0,53 и 0,79 соответственно). Причиной такой зависимости может быть как влияние объема знаний на прогноз ближайшего будущего, так и оценка уровня востребованности квалифицированных специалистов в российской экономике в новых условиях.

Позитивная оценка российско-украинского конфликта существенно увеличивает оптимизм в отношении личного благополучия (0,83). Выступающие против него видят свое личное благополучие куда более негативным (0,27) (см. рис. 5). Среди противников конфликта был значимо ниже и ретроспективный индекс личного благополучия. Противники военных действий значимо чаще воспринимают их экономические последствия как негативные, причем не важно, произошли эти изменения уже или предполагаются в будущем. Эта часть опрошенных острее воспринимает связанные с конфликтом негативные изменения, тогда как его сторонники связывают свои надежды с военной победой или вызванными изменением международной повестки трансформациями российской экономики. Ответы участников фокус-групп показывают, что сторонники и противники российско-украинского конфликта сходятся во мнении о трудном кризисе и разрушительных последствиях международной изоляции нашей страны. Однако противники, опираясь на факты, прогнозируют длительность и трудность нынешнего кризиса. Сторонники же, напротив, ожидают улучшения ситуации. Эти прогнозы больше похожи на мечты и не подкрепляются реальными факторами и предпосылками улучшений: «Будем переходить на другие бренды, которые не попали под санкции» (Ж., 41 год). Информанты, поддерживающие СВО, надеются на счастливый случай в виде технологического прорыва или помощи от других стран, главным образом Китая: «Мы только сегодня за юани китайцам продали и нефть, и газ» (Ж., 43 года).

Индекс индивидуального оптимизма, полученный в августе, по сравнению с аналогичным показателем, измеренным в феврале, вырос: с 0,25 до 0,66 (см. рис. 5). При этом следует напомнить, что динамика ретроспективной оценки негативная, то есть получается, что при ухудшении текущей ситуации уси-

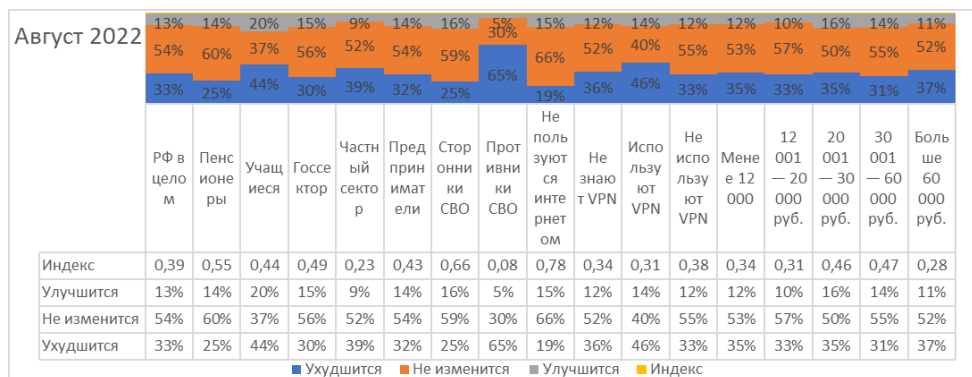
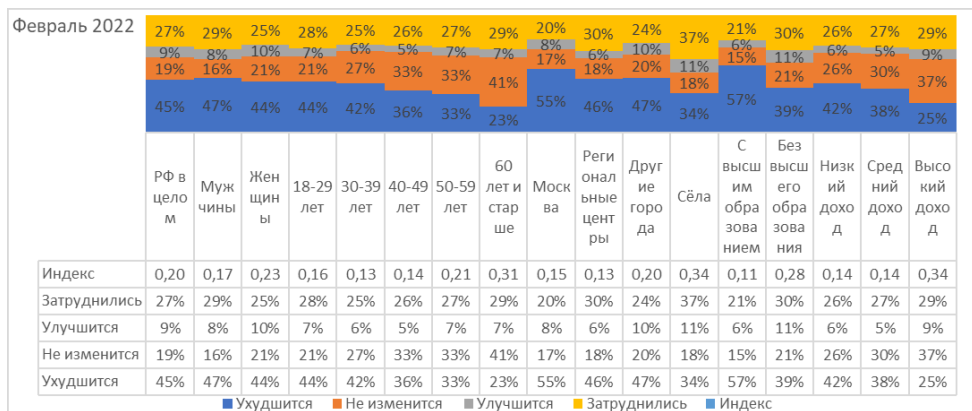
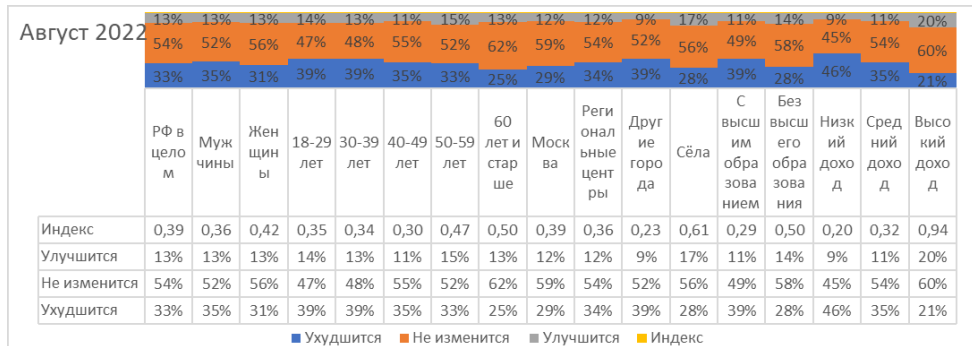
ливаются ожидания улучшений в будущем. Можно предположить, что в массовом сознании россиян уже произошедшее ухудшение таково, что любое новое изменение может быть только позитивным. Разумеется, это скорее эмоциональная оценка.

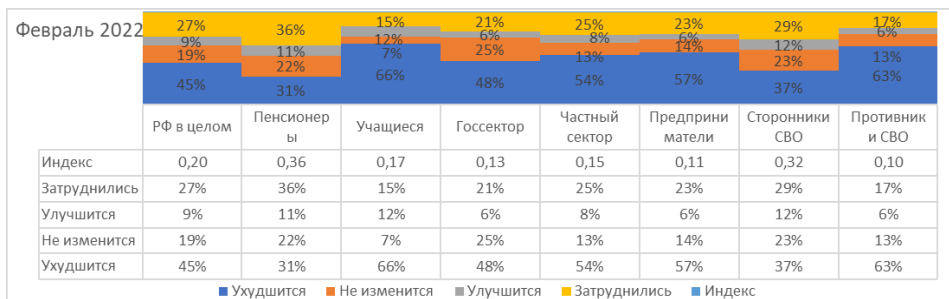
Рис. 5. Динамика индекса индивидуального оптимизма (февраль и август 2022 г.)

Помимо перспектив личного материального положения люди имеют более или менее четкие представления о финансовых перспективах своих соотечественников. Россияне, не занимающиеся экономикой и не имеющие соответствующей подготовки, могут прогнозировать изменения материального положения соотечественников на основе оценок (1) своего личного материального положения, (2) материального положения ближайшего окружения и (3) данных из СМИ [Звоновский, 2009]. Индекс социального оптимизма в августе 2022 г. был равен 0,39 (см. рис. 6). Поскольку в данной оценке респонденты учитывают большинство социальных групп российского населения, они поневоле усредняют свои оценки, и вариации индекса в разных группах не столь велики, как в случае индивидуального оптимизма. Если индекс индивидуального оптимизма варьирует от 0,44 в самой старшей возрастной группе до 1,28 в самой младшей, то индекс социального оптимизма меняется куда слабее — от 0,30 до 0,50. Получается, что группы, которые чувствуют себя лучше других, принимают это отличие во внимание и корректируют оценки применительно к обществу в целом.

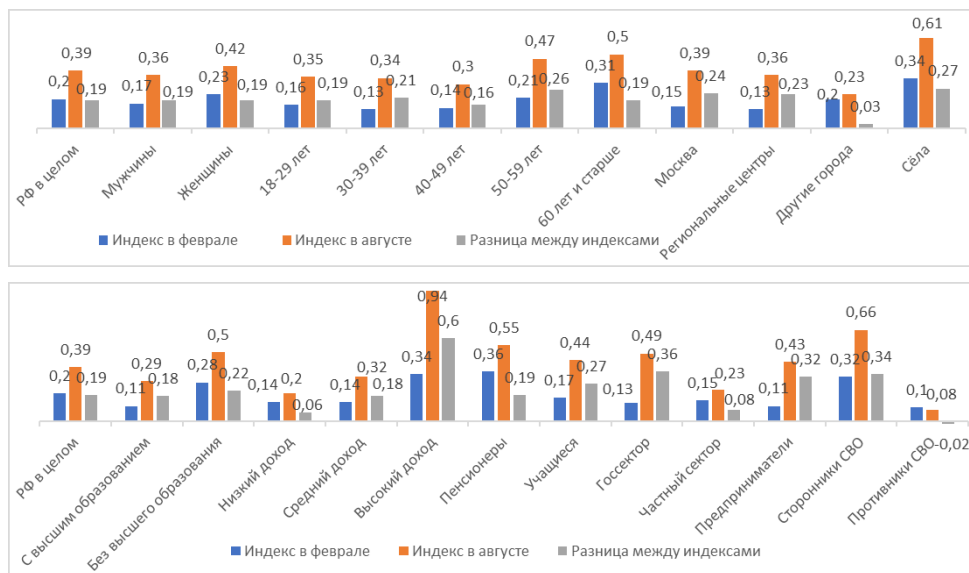
Рис. 6. Индекс социального оптимизма в разных группах населения РФ (февраль и август 2022 г.).
Вопрос: «А материальное положение большинства жителей России в ближайший год улучшится, ухудшится или останется на прежнем уровне?»

Если в августе 2022 г. индекс социального оптимизма составил 0,39, то в конце февраля, сразу после начала российско-украинского конфликта, в условиях штурма россиянами банков с целью забрать свои сбережения, он был равен 0,20 (см. рис. 7). Тревожность ожидания будущего как от международной изоляции, так и от возможных решений российской власти в первые месяцы российско-украинского конфликта отчетливо проговаривалась участниками групп: «Самый оптимистичный — это то, что мы имеем сейчас» (М., 52 года). Как видим, индекс социального оптимизма вырос к августу почти вдвое, что говорит о преодолении шока начала военных действий («Вначале был шок и тоже тревога какая-то, даже страх какой-то был» (Ж., 44 года)) и возвращении к стабильно пессимистичному взгляду на будущее. Действительно, если в начале конфликта прогнозы обрушения экономики имели ясные очертания в виде резкого роста курса доллара, быстро дорожающих товаров и услуг, то уже к концу весны эти признаки исчезли. С точки зрения массового потребителя, экономика страны справилась с режимом санкций.

Рис. 7. Динамика индекса социального оптимизма (февраль и август 2022 г.)

Локализация восприятия экономических проблем в российском общественном мнении

Индекс локализации проблем (разность между индексами индивидуально-го и социального оптимизма) составил в августе 0,27 (см. рис. 8). Это указывает на преобладание среди россиян позиции, что они перенесут возможные трудности лучше, чем большинство их соотечественников. Чаще всего в России и в других странах значение этого индекса положительное [Кесельман, Мацкевич, 1998; Звоновский, Мацкевич, 2009]. Исключения составляют периоды сильной социальной дезинтеграции, когда информация о жизни других социальных групп с большим трудом поступает тем, кто не является их членом. Пример тому — кризис 80-х годов прошлого века в СССР, когда советские люди не верили в собственные перспективы, но верили в будущее «страны победившего социализма», поскольку обмен информацией в условиях информационно закрытого общества был сильно затруднен. Как отмечала Л. М. Алексеева, «главным тормозом самопознания общества оказалась его неосведомленность о самом себе, поскольку средства обмена идеями и информацией были полностью монополизированы государством» [Алексеева, 2016: 6].

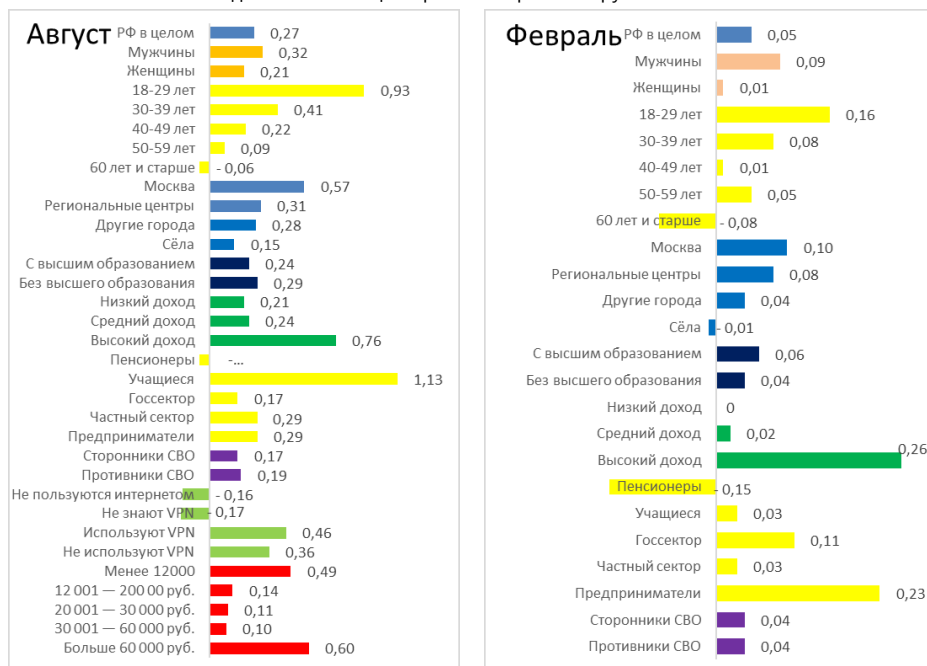
Значение индекса локализации проблем у женщин ниже (0,21), чем у мужчин (0,32). То есть мужчины несколько чаще женщин полагают, что они будут жить лучше большинства соотечественников. Напомним, что индекс индивидуального оптимизма среди мужчин и женщин отличается незначимо, то есть именно усвоенная, прежде всего из средств массовой коммуникации, информация убеждает женщин, что большинство их соотечественников живет лучше них.

Чем моложе россиянин, тем дальше он размещает себя от зоны неблагополучия, оценивая свои жизненные перспективы выше по сравнению с перспективами других. Самые старшие респонденты, напротив, оказались единственной группой, полагающей собственные перспективы хуже перспектив россиян в целом (см. рис. 8). Это несмотря на то, что уже произошедшие изменения собственного материального положения люди пенсионного возраста оценивают оптимистичнее других.

Индекс локализации проблем у москвичей существенно выше, чем у сельчан (0,57 и 0,15 соответственно), что отражает сложившиеся представления о территориальной иерархии в российском обществе (см. рис. 8). В центре социальной пирамиды Москва, на периферии — сёла. Этот стереотип массового сознания воспроизведен в ответах респондентов.

Занятые в частной экономике (сами предприниматели и их сотрудники — по 0,29), полагают, что справятся с текущими проблемами лучше, чем общество в целом. Покинувшие же рынок труда неработающие пенсионеры (–0,07) уверены в обратном. «Бюджетники» здесь занимают промежуточную позицию (0,17). Обладатели высоких доходов вполне обоснованно более уверены в своем будущем, чем в будущем большинства соотечественников (0,76) (см. рис. 8). Высшее образование и отношение к российско-украинскому конфликту не являются значимыми дифференцирующими факторами.

Рис. 8. Индекс локализации проблем в разных группах населения РФ

Если сравнить августовские значения индекса локализации проблем с аналогичными показателями февраля 2022 г. (см. рис. 8), то при общей схожести структуры можно увидеть два важных отличия. Во-первых, в феврале жители столицы практически не отличались от жителей других типов населенных пунктов. Они также близко располагали себя к среднему россиянину. Через полгода локализация вернулась к обычной картине. Во-вторых, в феврале дифференциация рассматриваемого индекса между группами была выражена слабее. Вероятно, рутинизация конфликта вернула на прежний уровень пошатнувшееся в восприятии россиян состояние социальной структуры, в центре которой мужчины, жители крупных городов, обладатели высоких доходов, занятые в частном секторе экономики.

Заключительные положения и выводы

Относительно динамики рассматриваемых показателей можно прийти к выводу о снижении масштаба негативных прогнозов с уровня ожиданий экономических проблем до уровня умеренно стабильного преобладания пессимизма над оптимизмом. С февраля по август 2022 г. оценки изменения собственного материального положения и материального положения россиян в целом снизились под влиянием кризисных изменений — первая гипотеза подтвердилась. Россияне смотрят в будущее с тревогой, но уровень их пессимизма различен. Перспективы собственного материального положения кажутся им хотя и не слишком радостными, но все же значительно более благополучными, чем финансовые перспективы большинства соотечественников.

Значение индекса индивидуального оптимизма, напротив, выросло в 2,5 раза, но все же остается меньше 1. То есть по сравнению со временем начала российско-украинского конфликта к августу 2022 г. респонденты стали оптимистичнее оценивать свои финансовые перспективы, однако пессимизм в этих оценках все равно преобладает над оптимизмом. По-видимому, шок первых дней военных действий сменился рутинизацией восприятия собственных финансовых перспектив, которые не кажутся столь ужасными, как в период ожидания экономического краха. Динамика индекса социального оптимизма такая же: он поднялся с минимума первых дней конфликта (когда число пессимистов превышало количество оптимистов в пять раз) до умеренного стабильно пессимистичного уровня. То есть если в феврале респонденты считали финансовые перспективы одинаково печальными у себя лично и у своих соотечественников, то в августе перспективы собственного материального положения воспринимались уже более оптимистично, чем будущая финансовая ситуация россиян.

Политическая позиция и способ потребления информации дифференцируют оценки произошедших и будущих изменений. Сторонники российско-украинского конфликта реже отмечают ухудшение собственного материального положения, тогда как его противники и пользователи VPN пессимистичнее оценивают произошедшие и прогнозируемые изменения, как собственные, так и в стране в целом. По-видимому, экономические трудности, вызванные политическими решениями, которые человек не поддерживает, воспринимаются им острее. Парадоксальным здесь представляется тревожный взгляд в свое будущее тех, кто не пользуется интернетом. Как верно отметил Никлас Луман, «то, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором мы живем, мы знаем благодаря массмедиа» [Луман, 2005: 8]. Казалось бы, информация из государственных СМИ способствует более оптимистичным взглядам на будущее, но мы не наблюдаем такого эффекта. Отчасти это объясняется преобладанием в этой группе населения пожилых людей, которые в целом смотрят в будущее с большей тревогой в кризисные периоды.

Люди с высокими доходами, хоть и отметили их снижение, но чувствуют себя явно увереннее в финансовом плане (находятся дальше всех от полюса неблагополучия), чем менее состоятельные соотечественники, которые со значительно большей тревогой смотрят в будущее. Сфера занятости тоже имеет значение: представители частного сектора экономики чаще отмечают совершившееся и будущее ухудшение своего материального положения, тогда как бюджетники в меньшей степени переживают за свои доходы и реже говорят об их снижении.

П. Бергер и Т. Лукман в своей самой известной работе писали: «Именно двойственный характер общества в терминах объективной фактичности и субъективных значений придает ей характер „реальности *sui generis*“, если использовать другой ключевой термин Дюркгейма» [Бергер, Лукман, 1995: 35]. Субъективное значение кризиса в массовом сознании россиян в целом соответствует его объективной фактичности: с одной стороны, респонденты положительно восприняли стабилизацию российской валюты и экономики в целом на фоне значительно более неблагоприятных прогнозов во время начала российско-украинского конфликта. С другой стороны, люди в целом понимают, что кризис далек до завершения и с его последствиями придется жить неопределенно долгий срок. Оснований

прогнозировать усугубление кризиса из-за массовых финансовых настроений россиян пока нет. Вероятно, в дальнейшем восприятие общественным мнением экономических изменений и российско-украинского конфликта в целом будет зависеть от того, в какой степени российским властям удастся сохранить уровень жизни населения в условиях ожидаемого усиления санкционного воздействия. Если в российской экономике произойдут резкие негативные изменения, то высока вероятность, что их восприятие общественным мнением еще сильнее усугубит ситуацию, тогда как в случае, если острых отрицательных изменений удастся избежать, есть основания предполагать, что негативные экономические последствия конфликта будут восприняты россиянами как новая экономическая реальность, к которой можно успешно адаптироваться.

Список литературы (References)

Алексашенко С.*, Буклемишев О., Вьюгин О., Гимпельсон В., Грозовский Б., Гурвич Е., Гуриев С.*, Ениколопов Р., Иццоки О., Орлова Н., Рогов К.*, Сонин К. *Застой-2: последствия, риски и альтернативы для российской экономики* / под ред. К. Рогова. М.: Либеральная миссия, 2021.

Alexashenko S. Buklemishev O., Vyugin O., Gimpelson V., Grozovsky B., Gurvich E., Guriev S., Enikolopov R., Itshoki O., Orlova N., Rogov K., Sonin K. (2021) *Stagnation-2: Consequences, Risks and Alternatives for the Russian Economy*. Moscow.: Liberal Mission. (In Russ.)

Алексеева Л. М. *История правозащитного движения в России: советский период*. М.: Московская Хельсинкская группа, 2016.

Alekseeva L. M. (2016) *History of The Human Rights Movement in Russia: The Soviet Period*. Moscow: Moscow Helsinki Group. (In Russ.)

Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум, 1995.

Berger P., Lukman T. (1995) *Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. (In Russ.)

Гоффе Н. В., Монусова Г. А. *Восприятие социальных реалий и субъективное благополучие в развитых странах*. М.: ИМЭМО РАН, 2020.

Goffe N. V., Monusova G. A. (2020) *Perception of Social Realities and Subjective Well-Being in Developed Countries*. Moscow: IMEMO RAS. (In Russ.)

Звоновский В. Б. *Тестирование вопросов о «материальном положении» // Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2009. № 28. С. 45—65.

Zvonovsky V. B. (2009) *Testing of Questions About the “Financial Situation”* *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. No/ 28. P. 45—65. (In Russ.)

Звоновский В. Б., Соловьева Ю. В., Ходыкин А. В., Азимова А. М., Кожевникова А. А., Акимов Е. С., Еловинова А. А. *Политическая мобилизация российской оппозиции на примере акций протеста в январе 2021 года // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 6. С. 386—409. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2011>.

Zvonovsky V. B., Solovyova Y. V., Khodykin A. V., Asimova A. M., Kozhevnikova A. A., Akimova E. S., Elovikova A. A. (2021) Political Mobilization of the Russian Opposition on the Example of Protests in January 2021. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 386—409. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2011>. (In Russ.)

Звоновский В. Б., Ходыкин А. В. Отражение культурной власти геополитического нарратива в коллективных представлениях россиян о специальной военной операции // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 38—53. <https://doi.org/10.31857/S013216250021524-9>.

Zvonovsky V. B., Khodykin A. V. (2022) Reflection of the Cultural Power of the Geopolitical Narrative in The Collective Perceptions of Russians About a Special Military Operation. *Sociological Studies*. No. 11. P. 38—53. <https://doi.org/10.31857/S013216250021524-9>. (In Russ.)

Звоновский В. Б., Мацкевич М. Г. Локализация ответственности как фактор социального поведения // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 45—57. Zvonovsky V. B., Matskevich M. G. (2009) Localization of Responsibility as a Factor of Social Behavior. *Sociological Studies*. No. 3. P. 45—57. (In Russ.)

Зубова Л., Ковалева Н. Материальное положение и оценки потребительского рынка // Экономические и социальные перемены. 1995. № 1. С. 34—37. Zubova L., Kovaleva N. (1995) Financial Situation and Estimates of the Consumer Market. *Economic and Social Changes*. No. 1. P. 34—37. (In Russ.)

Зубова Л., Ковалева Н., Красильникова М. Динамика экономического положения россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1993. № 2. С. 20—21. Zubova L., Kovaleva N., Krasilnikova M. (1993) Dynamics of the Economic Situation of Russians. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 20—21. (In Russ.)

Ибрагимова Д., Красильникова М., Николаенко С. Индекс потребительских настроений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1996. № 6. С. 36—41. Ibragimova D., Krasilnikova M., Nikolaenko S. (1996) Consumer Sentiment Index. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 36—41. (In Russ.)

Каравай А. В. Действия россиян по улучшению собственного материального положения в эпоху COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 121—137. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1837>.

Karavay A. V. (2021) The Behavior of Russians Aimed at Improving Their Financial Situation in the Era of COVID-19. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 121—137. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1837>. (In Russ.)

Кесельман Л. Е., Мацкевич М. Г. Индивидуальный экономический оптимизм/пессимизм в трансформирующемся обществе // Социологический журнал. 1998. № 1—2. С. 39—54.

- Keselman L. E., Matskevich M. G. (1998) Individual Economic Optimism/Pessimism in a Transforming Society *Sociological Journal*. No. 1—2. P. 39—54. (In Russ.)
- Кесельман Л. Е., Мацкевич М. Г., Родионова А. В. Экономический оптимизм/пессимизм в трансформирующемся обществе: динамика и структурная дифференциация // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2007. № 1. С. 19—25.
- Keselman L. E., Matskevich M. G., Rodionova A. V. (2007) Economic Optimism/Pessimism in a Transforming Society: Dynamics and Structural Differentiation. *The Economy of the North-West: Problems and Prospects of Development*. No. 1. P. 19—25. (In Russ.)
- Красильникова М., Николаенко С. Индекс потребительских настроений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1994. № 2. С. 46—50.
- Krasilnikova M., Nikolaenko S. (1994) Consumer Sentiment Index. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 46—50. (In Russ.)
- Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005.
- Luhman N. (2005) *The Reality of Mass Media* Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: Хранитель, 2006.
- Merton R. (2006) *Social Theory and Social Structure*. Moscow: ACT: Khranitel. (In Russ.)
- Тихонова Н. Е. Явные и неявные последствия экономических кризисов для россиян // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 16—27.
- Tikhonova N. E. (2015) Explicit and Implicit Consequences of Economic Crises for Russians. *Sociological Studies*. No. 12. P. 16—27. (In Russ.)
- Тихонова Н. Е. Динамика социально-экономического положения массовых слоев населения России: 2003—2018 гг. // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 3. С. 7—25. <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.3.6000>.
- Tikhonova N. E. (2018) Dynamics of the Socio-Economic Situation of the Mass Strata of the Russian Population: 2003—2018. *Sociological Science and Social Practice*. Vol. 6. No. 3. P. 7—25. <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.3.6000>. (In Russ.)
- Тощенко Ж. Т., Харченко С. В. Социальное настроение. М.: Academia, 1996.
- Toshchenko Zh. T., Kharchenko S. V. (1996) *Social Mood*. Moscow: Academia. (In Russ.)
- Трынов Д. В. Социальное самочувствие как фактор политического участия молодежи: дисс. ... канд. социол. наук. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2022.
- Trynov D. V. (2022) *Social Well-Being as a Factor of Political Participation of Youth*. PhD Dissertation in Sociology. Yekaterinburg: Ural Federal University. (In Russ.)
- Усова Е. Н. Социальное самочувствие: теоретико-методологические подходы к исследованию // Саратовский научно-медицинский журнал. 2017. № 3. С. 554—559.
- Usova E. N. (2017) Social Well-Being: Theoretical and Methodological Approaches to Research *Saratov. Scientific Medical Journal*. No. 3. P. 554—559. (In Russ.)
- Звоновский В. Б., Ходыкин А. В. Стратегии адаптации сторонников и противников спецоперации к жизни в ее условиях (на примере жителей Самарской области)

// Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 1. С. 8-35. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.1>.

Zvonovsky V. B., Khodykin A. V. (2023) Adaptation Strategies of Opponents and Supporters of the Special Military Operation to the Current Situation (Based on Residents of Samara Region). *Sociological Journal*. Vol. 29. No. 1. P. 8–35. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.1>.

Bradburn N. M. (1969) *The Structure of Psychological Well-Being*. Chicago: Aldine.

Bradburn N. M., Caplovitz D. (1965) *Reports on Happiness*. Chicago: Aldine.

Cantril H. (1965) *The Pattern of Human Concerns*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

Clark A. E. (2018) Four Decades of the Economics of Happiness: Where Next? *Review of Income and Wealth*. Vol. 64. No. 2. P. 245—269. <https://doi.org/10.1111/roiw.12369>.

Diener E. (1984) Subjective Well-Being. *Psychological Bulletin*. Vol. 95. No. 3. P. 542—575. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0033-2909.95.3.542>.

Diener E., Larsen R. J., Emmons R. A. (1984) Person x Situation Interactions: Choice of Situations and Congruence Response Models. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 47. No. 3. P. 580—592. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.47.3.580>.

Easterlin R. A. (1974) Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence In: David P. A., Reeder M. W. (eds.) *Nations and Households in Economic Growth*. New York, NY: Academic Press. P. 89—125. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-205050-3.50008-7>

Easterlin R. A. (2019) Three Revolutions of Modern Era. *Comparative Economic Studies*. Vol. 61. No. 4. P. 521—530. <https://doi.org/10.1057/s41294-019-00098-9>.

Freedman J. (1978) *Happy People: What Happiness Is, Who Has It, And Why*. New York, NY: Harcourt Brace Jovanovich.

Hoorens V. (1993) Self-enhancement and Superiority Biases in Social Comparison. *European Review of Social Psychology*. Vol. 4. No. 1. P. 113—139. <https://doi.org/10.1080/14792779343000040>.

Maslow A. H. (1970) *Motivation and Personality*. New York, NY: Harper and Row.

Stiglitz J. E., Sen A., Fitoussi J. P. (2008) Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. URL: <https://clck.ru/35ZaQY> (accessed: 03.09.2023).

Thomas W. I., Thomas D. S. (1928) *The Child in America*. New York, NY: Knopf.

Transition for All: Equal Opportunities in an Unequal World. Transition Report 2016—17. URL: <https://www.ebrd.com/news/publications/transition-report/transition-report-201617.html> (accessed: 18.02.2023).

Wilkinson R., Pickett K. E. (2009) Income Inequality and Social Dysfunction. *Annual Review of Sociology*. No. 35. P. 493—511. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-070308-115926>.